

ЧЕТЫРЕСТА ЛЕТ НИДЕРЛАНДСКОЙ БУРЖУАЗНОЙ РЕВОЛЮЦИИ

(ЛИТЕРАТУРА И ЗАДАЧИ МАРКСИСТСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ)

А. Н. Чистозвонов

В 1966 г. исполнилось 400 лет с начала нидерландской буржуазной революции XVI в. — иконоборческого восстания 1566—1567 годов. Первая в ряду победоносных ранних буржуазных революций, она завершилась созданием первой в мире буржуазной республики Соединенных провинций (Голландии). Этим определяется ее место как одного из крупнейших исторических событий. В кратком очерке невозможно даже в сжатой форме охарактеризовать состояние исследований по проблеме в целом. Поэтому в первом его разделе мы вынуждены ограничиться оценкой основных направлений лишь нидерландской историографии, а во втором — кратко охарактеризовав послевоенные работы советских историков и ученых других социалистических стран, поставить основные задачи марксистского исследования истории нидерландской революции XVI века. Восходящая к XVI в. нидерландская историография вопроса очень обильна, многопланова и от начала своего до наших дней политически и конфессионально пристрастна. XIX век (особенно его первая половина) ознаменовался в истории Нидерландов, как и Европы в целом, значительными социально-экономическими и политическими событиями, которые умножили, усложнили и отшлифовали методологические и идеологические грани историографии проблемы, отодвинув на второй план, хотя и не устранив, влияние конфессионального элемента.

В лице таких нидерландских историков-кальвинистов, как В. ван Билдердаjk и Х. Хрун ван Принстерер¹, была наиболее отчетливо представлена юридическая школа с ее сильными и слабыми сторонами. Вмeste с тем в воззрениях этих авторов отразилась почти двухвековая эволюция определенного крыла кальвинистской партии — от партии радикальной оппозиции в республике к верноподданным королевской династии Оранских. Согласно откровенно монархической концепции Билдердаjка, сочетавшей идеи Кальвина и гугенотских монархомахов с учением о естественном праве, лишь дворяне в XVI в. обладали прирожденным правом сопротивления королю, горожане же и городские корпорации были простыми подданными. Суверенитет в республике поэтому оли-

¹ W. van Bilderdijk. *Geschiedenis des Vaderlands*. Amsterdam. 1832—1853; о нем см. L. J. Rogier. *De geschiedschrijver Bilderdijk*. «Annalen Thijmgennootschap». 1936; P. Geyl. *Een eeuw strijd om Bilderdijk*. «Studies en Strijdschriften». Groningen. 1958; G. Groen van Prinsterer. *Handboek der Geschiedenis van het Vaderland*. Leiden. 1846; ejsd. *Ongeloof en Revolutie*. Amsterdam. 1868; о нем см. A. C. Leendertz. *De grond van het overheidsgezag in de antirevolutionaire staatsleer*. Amsterdam. 1911; A. Kuiper. *Antirevolutionaire staatkunde*. [Amsterdam]. 1916; H. Smitskamp. *Groen van Prinsterer als historicus*. Amsterdam. 1940; Z. W. Sneller. *Groen van Prinsterer en Fruin*. «Mededelingen der Koninklijke Nederlandsche Academie van Wetenschappen», afd. letterkunde, 1949, № reeks, d. 12, № 12; H. Smitskamp. H. J. Smit, A. A. van Schelven. *Groens «Ongeloof en Revolutie»*. Wageningen. 1949.

цетворялся не Генеральными штатами, а статхаудерами Оранской династии, передававшими от своего лица этому органу функцию участия в управлении страной. Революционный конфликт трактуется Билдердайком в личном плане, как столкновение принца Оранского, государственного деятеля нового типа, веротерпимого, просвещенного и верящего в божественное провидение, с клеветом абсолютного монарха — Гранвеллой. Ученик Билдердайка Х. Хрун ван Принстерер был не только историком, но и политическим деятелем (1848—1864 гг.) правоконсервативного направления, приверженцем конституционной монархии, организатором и руководителем так называемой антиреволюционной партии. Последовательный идеалист, Хрун в работе «Неверие и революция» утверждал, что идеи безбожия подготавливают революции. Весь исторический процесс он резюмировал в истории государственного права двух типов: 1) революционное право — априорное, абсолютизирующее общее благо и подчиняющее этому авторитарному принципу всю духовную жизнь общества и индивида; 2) антиреволюционное — естественное, исторически складывающееся право, противостоящее первому как некая позитивная категория, состоящая из норм священного писания и исторической традиции, опираясь на которые разные группы общества и составляющие их индивиды противостоят «государственному абсолютизму». Хрун механически воспринимал кальвинистскую концепцию Библии, отводя решающую роль божественному произволу, и потому был «чистым» агностиком и фидеистом. Экономике он просто игнорировал, а прочим факторам отводил подчиненное место. Принц Оранский был для него борцом за кальвинизм, против безбожного абсолютизма Филиппа II, «героем веры». Занимая с 1830 г. пост заведующего королевским архивом, Хрун посвятил много времени и публикации документов².

Оппонентами Хруна с либерально-кальвинистской стороны были Р. Бакхёйзен ван ден Бринк и Р. Фройн. Бакхёйзен, один из основателей журнала «De Gids», либерал левого направления, почитатель французской культуры, в методологии был субъективным идеалистом, приверженцем идей немецкого теософа Шлейермахера. Хороший филолог, знаток архивов и теологии, Бакхёйзен написал большое число работ по отдельным вопросам истории нидерландской революции³, в которых на первый план выдвигал ее общенидерландский освободительный и кальвинистский характер. Отвергая концепцию Хруна, Бакхёйзен соглашался с ним лишь в одном — в отделении реформации (рассматриваемой им как чисто религиозное явление) от революции. Не создав своей целостной концепции нидерландской революции, Бакхёйзен брал за образец концепцию либерально-кальвинистского американского историка того времени Д. Л. Мотлея, книгу которого⁴ он перевел на нидерландский язык, снабдив ее комментариями.

Сокрушительной критике подверг концепцию Хруна профессор Лейденского университета Р. Фройн⁵. Либерал, быстро правевший в своих политических убеждениях, Фройн в области методологии был приверженцем идей позитивизма и «социального дарвинизма». Признавая с этих позиций закономерность и детерминированность исторического процесса, он видел цель исторического исследования в выявлении причинно-следственных связей. Большое значение Фройн придавал практике,

² G. Groen van Prinsterer. Archives ou Correspondance inédite de la Maison d'Orange-Nassau. Vol. 1—8. Utrecht. 1835—1908, etc.

³ R. C. Bakhuizen van den Brink. Studien en schetsen over de Vaderlandsche geschiedenis en letteren. D. 1—4. 's-Gravenhage. 1863—1877; eju s d. Cartons voor de geschiedenis van den Nederlandschen Vrijheidsoorlog. 's-Gravenhage. 1891—1898; о нем см. M. S a b b e. Peilingen. Antwerpen. 1935, biz. 106—126; G. C o l m j o n. R. C. Bakhuizen van den Brink, een markante persoonlijkheid. Rijswijk. 1950.

⁴ D. L. Motley. The Rise of the Dutch Republic. N. Y. 1856; eju s d. History of the United Netherlands. Vol. 1—4. The Hague. 1860—1867.

⁵ R. Fruin. Verspreide geschriften. D. 1—10. 's-Gravenhage. 1890—1905.

«опыту» и выдвигал на первый план «объективность» исследования, понимаемую в духе Л. Ранке, которого высоко ценил. Отрицая идеалистический монизм, Фройн противопоставлял последнему принцип комплексного, синтетического исследования, в котором видное место отводилось экономике. Однако присущие его концепциям прогрессивные тенденции не были последовательными, а его взгляды оставались в силу идеалистических отступлений плюралистскими, эклектическими. Политическую программу Хруна Фройн оценивал как «ретроградную», а историческую концепцию — как «библейско-историческую». Концепция нидерландской революции наиболее подробно изложена Фройном в двух его монографических работах: «Пролог» и «Десять лет восьмидесятилетней войны». Описание событий в них, внешне «объективное», на самом деле весьма тенденциозно. В «Прологе» ведущая роль отведена оппозиционному дворянству и Вильгельму Оранскому, в «Десяти годах» — богатому бюргерству, буржуазии, регентам, Морицу Оранскому, государственно-правовой и политической истории. Народные массы оказываются у автора на заднем плане, в виде безликой «толпы», характеристика которой порою звучит весьма нелестно: «чернь», «разнузданная масса» и т. п.⁶ На первый план Фройн выдвигает национальный аспект восстания⁷ и объединительную политику принца, выступавшего как воплощение национального, религиозного и гуманистического идеала; социальная сторона событий, таким образом, отодвигалась на задний план, а самый термин «революция» заменялся объективистски бессодержательным наименованием «восьмидесятилетняя война».

Торжество политической реакции после поражения революций 1848 г. и сползание либерально-кальвинистских историков на монархические позиции способствовали активизации католической историографии. Одним из ярких ее представителей был И. Албердинк⁸, выступивший с прославлением иезуитов и реакционных католических историков и одновременно с грубыми обвинениями в адрес кальвинистов революционного периода, а заодно и кальвинистской историографии, которая оправдывала Вильгельма Оранского и «мятеж против законного государя». Его поддержали католики И. ван дер Хорст и В. Нейенс, в полемику с которыми вступили Хрун ван Принстерер, Бакхейзен ван ден Бринк и Фройн⁹.

Несмотря на слабые стороны Фройна, его можно считать последним классиком нидерландской буржуазной историографии. Как и вся нидерландская историография XIX в.¹⁰, его работы оказали заметное влияние

⁶ R. Fruin. Het anti-revolutionaire staatsregt van Mr. G. Groen van Prinsterer ontvouwd en beoordeeld. Amsterdam. 1853; e j u s d. De anti-revolutionaire bezwaren van Mr. G. Groen van Prinsterer tegen onzen staat en onze maatschappij overwogen. Amsterdam. 1854; e j u s d. Het voorspel van den Tachtigjarigen oorlog. Verspreide geschriften. D. I, blz. 266—449; e j u s d. Tien jaren uit den Tachtigjarigen oorlog, 1588—1598. Amsterdam. 1861. См. об этом Z. W. Speller. Op. cit., blz. 51.

⁷ Здесь сказывался не только развивавшийся нидерландский национализм, но и бесславный конец нидерландского королевства в 1830 г., похоронивший иллюзии об общенидерландских интересах и побуждавший историков XIX в. к обоснованию фатальной неизбежности распадаения Нидерландов в конце XVI века. В бельгийской историографии эти мотивы особенно ярко выражены в работах А. Пиренна.

⁸ J. A. Alberdingk. De Jezuiten. Een woord van toelichting. Amsterdam. 1851.

⁹ J. J. Van der Horst. Het huvelijk van Willem van Oranje met Anna van Saxon. historisch-kritiesch onderzocht. Amsterdam. 1851; G. Groen van Prinsterer. Heiligerlee. Ultramontansche kritiek. D. I—III. Amsterdam. 1868; W. J. F. Nuyens. De Ultramontansche kritiek. Antwoord aan Mr. G. Groen van Prinsterer. Amsterdam. 1868; e j u s d. De Nederlandsche beroerten der 16-e eeuw, uit een katholiek oogpunt beschouwd. Antwoord aan prof. R. Fruin, prof. J. van Vloten et dr. M. van Deventer. Amsterdam. 1868.

¹⁰ О нидерландской историографии XIX в. по проблеме см. J. Romein. Spiegel-hel Historiae van de Tachtigjarige oorlog. In.: J. Presser. De Tachtigjarige oorlog. Amsterdam-Brussel. 1948, blz. 28—31; e j u s d. Het verguisde beeld over het onderzoek naar de oorzaken van onze opstand. Haarlem. 1939; J. S. Theissen. De prins van Oranje in de Nederlandse geschiedschrijving. «Prins Willem van Oranje». Haarlem. 1933,

на новейшую национальную историографию, взявшую, к сожалению, не лучшие стороны этого наследства: своеобразный культ Вильгельма Оранского, преувеличение роли дворянства и третирование народных масс, трактовку революции лишь как освободительной борьбы и переименование ее в «восьмидесятилетнюю войну», упор на политическую и государственно-правовую историю, принижение роли социального фактора и т. п. Здесь сказался переход капитализма в империалистическую стадию развития, ознаменовавшуюся наступлением реакции по всему фронту, в том числе и в сфере историографии. Подверженная, как и в XIX в., сильному влиянию немецкой буржуазной исторической науки, нидерландская историография начала XX в. взяла на вооружение аргументацию «критической школы», неокантианства и эмпириокритицизма. Включившись в наступление против добившегося больших успехов марксизма, она порой прибегала к более или менее аляповатой мимикрии, маскируя псевдомарксистской фразеологией свои антинаучные концепции.

Некоторые из этих симптомов мы видим уже в работах П. Блока, одного из наиболее крупных историков конца XIX — первой четверти XX века. Любимый ученик Фройна, Блок, во многом еще подражал своему учителю. Оставаясь, как и Фройн, плюралистом и эклектиком, он с позиций вульгарного экономизма настаивал на важности экономического фактора, утверждая, что исторические факты могут быть должным образом объяснены лишь при условии знания цен на хлеб. Он доказывал, что введение алькабалы имело решающее значение для начала восстания 1572 года. Подобно Фройну, Блок воспевал принца Вильгельма, лишь более трезво оценивая начальный период его деятельности (до 1573 г.)¹¹, народные массы рисовал как толпу, мятежную и ненадежную, место которой — на задворках истории. В этом ключе выдержана концепция нидерландской революции в 3-м и 4-м томах сводной работы Блока¹². Методологии Блока в отличие от Фройна уже чужда идея детерминизма и закономерности исторического процесса. Он пристрастен политически, открыто защищая интересы господствующих классов и выступая против марксизма, который Блок третировал как «одностороннюю» и «несостоятельную» теорию, а Маркса — как доктринера-дилетанта от истории, опиравшегося на «уже устаревшие исторические работы». Блок не приемлет концепции марксистски или промарксистски мысливших современных ему нидерландских историков (ван дер Хус, Хортер, Р. Койпер) и покровительственно относится к выступлениям местных ревизионистов во время историографической дискуссии начала девятисотых годов¹³. Дать антикоммунизм отдал и академик Х. А. Энно ван Хелдер, автор многочисленных исследований по различным вопросам истории Нидерландов XVI в.: о роли дворянства в нидерландской революции, о характере реформационного движения, а также работ по экономической и политической истории¹⁴. Ван Хелдер в некоторых вопросах является продолжа-

blz. 324—338; P. J. Blok. Robert Fruin. «Jaarboek van de Koninklijke Academie van Wetenschappen». Amsterdam. 1900; A. A. van Schelven. Wegkruisingen in het landschap der theorie van de geschiedschrijving. Amsterdam. 1953; Z. W. Snelier. Op. cit.; J. W. Smit. Fruin en de partijen tijdens de Republiek. Groningen. 1958, blz. IX—XVI.

¹¹ P. J. Blok. Geschiedenis eener Hollandsche stad. D. II. 's-Gravenhage. 1912, blz. 253; e j u s d. Willem de Eerste Prins van Oranje. Amsterdam. D. 1. 1919, blz. 206; d. 2, blz. 17.

¹² P. J. Blok. Geschiede der Nederlande. Bd. 3—4. Gotha. 1907—1910. Здесь и в ряде других случаев ссылки будут даваться на некоторые переводы и издания, выполненные на распространенных европейских языках.

¹³ P. J. Blok. Historisch materialisme. «Onze eeuw», 1908, Jg. 8, d. 3.

¹⁴ H. A. Enno van Gelder. Rusland. Epos van leed en strijd. De geschiedenis van het Russische volk. Amsterdam. 1949; e j u s d. De Hollandse adel in de tijd van de opstand. «Tijdschrift voor Geschiedenis», 1930, Jg. 45, afl. 2; e j u s d. De Nederlandsche adel en de opstand tegen Spanje 1565—1572. «Tijdschrift voor Geschiedenis», 1928, Jg. 43, afl. 1—2; e j u s d. Revolutionaire revormatie. Amsterdam. 1943; e j u s d. De Nederlandse dorpen in de 16e eeuw. Amsterdam. 1953, etc.

телем Фройна и Блока: он придает большое значение экономическому фактору, преувеличивает роль дворянства в ранний период нидерландской революции, принижает значение выступлений народных масс.

Победа Великой Октябрьской социалистической революции, огромные успехи мирового коммунистического движения, социальные потрясения, имевшие место в период и после завершения первой мировой войны, сделали идеи коммунизма настолько популярными в массах, что в нидерландской историографии появились попытки приспособить их для целей камуфляжа. Примером может служить брошюра-лекция А. де Йонга, одного из активных пропагандистов «Союза религиозных анархо-коммунистов», использовавшего историю нидерландской революции для проповеди религиозной идеологии. Стержнем революции, считал Йонг, был кальвинизм и социально-экономические конфликты; принцип «больше человек, чем христианин», став после колебаний кальвинистом, принял сторону «кальвинистского пролетариата»; религиозные, личные и политические достоинства принца ставили его в ряд с такими библейскими фигурами, как Давид и Моисей, а написанная в его честь (ставшая государственным гимном) «Виллелмуслид» превосходит «Интернационал». Задача современного момента, делает вывод Йонг, состоит в том, чтобы не подпасть под влияние марксизма, а, следуя идеям Бакунина и Вильгельма Оранского, ставя на первый план человеческую личность и ее интересы, решать проблему социального освобождения, идя «через многие трудности и компромиссы»¹⁵. Такова концепция нидерландской революции с позиций «религиозного анархо-коммунизма».

В это же время намечается направление кальвинистской историографии, которое, используя исследовательские методы «критической школы», преследует цель, поставленную еще Хруном, — очистить кальвинизм от «скверны революции». В таком духе выдержана работа Э. Койпера. Автор, формально-логически анализируя трактаты Кальвина и отрывая реформационную догматику от ее социально-экономической основы, утверждал, что кальвинизм не является революционным учением: революционность была позднее «навязана практикой», пошедшей дальше теории, что не помешало, однако, впоследствии кальвинизму сделать крутой поворот в сторону монархического легитимизма, чему красноречивый пример — Хрун¹⁶.

Кальвинистское направление такого рода получило детальную и всестороннюю разработку в трудах А. ван Схелфена, концепция которого была прямо направлена против системы взглядов немецких историков начала XX в. М. Вебера и Э. Трёльча, видевших в реформационных доктринах идеологию нарождавшейся буржуазии. Используя слабые стороны их аргументации, идеалистический подход к истолкованию исторических явлений, ван Схелфен старается, подобно Койперу, доказать, что учению Кальвина была чужда идея восстания, что сформулировали эту идею французские кальвинисты (гугеноты) и от них ее заимствовали нидерландцы; что Вебер и Трёльч приписывали Кальвину те положения и выводы (в частности, идею внутреннего и мирского аскетизма), которые на самом деле были сформулированы лишь в XVII в. пуританскими богословами (Бакстер и др.); что теория предопределения у самого Кальвина вовсе не занимала того ведущего места, которое ей было отведено позднейшими его интерпретаторами, и т. д.¹⁷. Конечный вывод ван Схелфена — отрицание кальвинизма как единого развивающегося учения, изображение его на протяжении XVI, XVII, XIX и XX в. как регионально-национальных разновидностей (швейцарской, французской,

¹⁵ A. R. de Jong. *Wilhelmus van Nassouwe*. Naarden. 1923.

¹⁶ E. Kuiper. *Het Calvinisme en onze opstand tegen Filips II*. [Amsterdam]. 1919.

¹⁷ A. A. van Schelven. *Uit den strijd der geesten*. Amsterdam. 1944, blz. 41, 192—196, 241—246, 247—249.

английской, нидерландской), концепции которых были предопределены «национальным духом», или «народным характером»: жизнелюбивые французы допускали пользование мирскими радостями, практичные и сухие английские пуритане породили «англизированный», аскетический кальвинизм. Последний ван Шелфен оценивает как формалистический декаданс, принесший больше вреда, нежели пользы. Все симпатии автора — на стороне «веротерпимого» направления нидерландского кальвинизма, сформулированного Кастеллио, Эразмом, Кассандером, — того кальвинизма, пламенным приверженцем которого, «величайшим из всех борцов за политику веротерпимости» был принц Оранский. С этих позиций ван Шелфен поднимает на щит последовательного фидеиста Хруна¹⁸. Идеализм, типичный уже для ранних работ ван Шелфена, отделился в логически завершенную концепцию субъективного скептицизма и агностицизма, согласно которой основа исторического процесса имеет духовный характер (хотя главные ее стороны — политическая, культурная и экономическая история); соответственно периодизация истории должна строиться по принципу выявления культурно-исторических циклов. Поскольку историк в своих выводах зависит от окружающей его социальной среды и собственных психологических склонностей, вопрос о смысле истории решается в конечном счете каждым историком индивидуально.

Эта методологическая концепция ван Шелфена органически связана с его гносеологическими представлениями. Он отрицает наличие объективных закономерностей исторического процесса, допуская их существование лишь в виде абстрактно-логических категорий, таких, как «склонность к дифференциации», «смена действия и противодействия», «сцепление явлений», «тенденция» и т. п. Позитивистская теория эволюции, развивавшаяся Фройном, объявляется несостоятельной, а исторический процесс, как это утверждал Дройзен, — непознаваемым. И эта концепция субъективного скептицизма и агностицизма подается ван Шелфеном как «онаучивание» историографии. Последствия не замедлили сказаться на одной из позднейших работ ван Шелфена. И. Ромейн, говоря о ней, с сожалением отмечал, что такое «онаучивание» приводит к «снижению общей культурной ценности исторической науки»¹⁹.

Оппонентом Э. Койперу и А. ван Шелфену с позиций кальвинизма выступил И. Де Патер. Он считал, что политика и религия были двумя сторонами одной медали и именно кальвинизм сплотил воедино все силы революции и освободительной войны. Проповедь веротерпимости была в этих условиях равносильна уступке врагу. Поэтому, подчиняясь военно-политической необходимости, не ортодоксальные кальвинисты, а регенты-либертины, сторонники веротерпимости, провели в северных провинциях в сентябре 1572 г. закон о запрещении католического богослужения, сохранив лишь свободу совести. В южных же провинциях именно политика веротерпимости (а не непримиримость кальвинистов) погубила дело революции и освободительной войны²⁰. Концепция Де Патера, несомненно, более плодотворна и исторична, но ее слабое место — склонность понимать кальвинизм не как широкое социально-политическое движение, а только как религиозно-политическую доктрину. Исходя из

¹⁸ Ibid., blz. 33, 41, 192—196, 249—267.

¹⁹ A. A. van Schelven. Wegkruisingen in het landschap der theorie van de geschiedschrijving, blz. 9—10, 13—14, 18, 25, 31—36, 41, 69—70, 74—76, 84; e j u s d. Willem van Oranje. Een boek ter gedachtenis van idealen en teleurstellingen. Haarlem. 1948; J. M. Romein. Het verguisde beeld over het onderzoek naar de oorzaken van onze opstand, blz. 17.

²⁰ J. C. H. De Pater. Het Godsdienstig element in den opstand tegen Spanje. «Bijdragen voor Vaderlandsche Geschiedenis en Oudheidkunde», 1941, reex VIII, d. II, afl. 3—4, blz. 163—169; e j u s d. De scheiding in de 16e eeuw historisch belicht. Putten. 1941, blz. 10—22; см. также написанные И. Де Патером главы по истории нидерландской революции: «Geschiedenis van Nederland». D. 3—4. Amsterdam. 1936.

буржуазно-объективистских предпосылок и отдавая дань абстрактному псевдогуманизму, Де Патер в ложном свете изображал героическую борьбу лесных и морских гёзов, характеризуя ее как «дикий террор», приписывая ей «больше ущерба, чем пользы»²¹.

Конец XIX — начало XX в. ознаменовались быстрым ростом фламандского движения в Бельгии и великонидерландизма²² в Нидерландах. Лидером этого направления в историографии является антикоммунист, профессор Утрехтского университета в отставке П. Хейл. Историк широкого профиля и большой эрудит, автор многочисленных книг, П. Хейл создал свою концепцию нидерландской революции, пропитанную духом великонидерландизма и шовинизма. При этом чем дальше, тем больше его схема приспособлялась к политическим требованиям послевоенного времени, «холодной войны», Североатлантического пакта, задачам сколачивания Бенилюкса, чего не скрывает и сам автор. Распадение прежде единых Нидерландов, утверждает Хейл, было обусловлено не объективными социально-экономическими, политическими или религиозными причинами, которые могут приниматься во внимание лишь при оценке отделения «офранцузенных» валлонских провинций, — все последующие события, в том числе и обособление республики, являются результатом действия только военного фактора и связанных с ним случайностей²³. Принц Оранский, с точки зрения Хейла, — выдающийся политик, государственный и религиозный деятель, целью которого было создание единых великих Нидерландов. Кальвинистов XVI в. он сравнивает с итальянскими фашистами, их религиозную нетерпимость, вызванную обстановкой революции и освободительной войны, третирует, хотя и признает обоснованность ее политических условиями²⁴.

Фашистская оккупация породила в нидерландской историографии своих квислинговцев, группировавшихся вокруг коллаборационистского журнала «Новые Нидерланды» («Nieuw Nederland»), где печатались статьи, проникнутые фашистскими идеями геополитики, расизма, подвигшие «историческую базу» под голландско-германское «сотрудничество». Лидером этой кучки предателей был фашист Р. ван Хенехтен, но в ее составе оказался и Э. Брюннер, известный ранее как автор добросовестных конкретных исследований, переключившийся в период оккупации на профашистские статейки²⁵.

Разгром третьего рейха, величественные победы Советской Армии, отпадение от системы империализма ряда стран Восточной Европы и Азии, огромный рост притягательности идей социализма не прошли бесследно и для нидерландской историографии. Сблизились с коммунистами на почве теоретических исканий один из видных нидерландских историков новейшего времени, И. Ромейн, — очень сложная и противоречивая фигура. Специалист широкого профиля в области национальной и всеобщей истории, автор многочисленных книг и статей, руководитель так называемой амстердамской школы «теоретической истории» (историологии), Ромейн, однако, не стал марксистом, оставаясь скорее одним из «попутчиков».

²¹ J. C. H. De Pater. Prins Willem in ballingschap. «Wilhelmus van Nassouwe». O/leiding van P. Geyl. Middelburg. 1933, biz. 92, 98.

²² Движение, проповедовавшее отделение фламандских провинций от Бельгии и воссоединение их в едином «великонидерландском» государстве. Органом этого движения был журнал «De Dietsche Gedachte».

²³ P. Geyl. Diskussion ohne Ende. Darmstadt. 1958, S. 177—178; e j u s d. Einheit und Entzweiung in der Niederlanden. «Historische Zeitschrift», 1928, Bd. 139, Hf. 1, S. 48—49, 51—53 ff.

²⁴ P. Geyl. Streven en verwezenlijking. «Wilhelmus van Nassouwe», biz. 273, 275—276, 277, 279, 282, 283—284; e j u s d. The Revolt of the Netherlands. L. 1932, pp. 81, 95, 143.

²⁵ См. общую характеристику фашистской историографии Нидерландов: I. Schöppfer. Het nationaal-socialistisch beeld van de geschiedenis der Nederlanden. Arnhem. 1956.

Ромейн считал, что каждое поколение и каждая социальная группа заново пишут историю, которая есть «осознание современниками происхождения общества»²⁶, но в своих историографических работах Ромейн нередко отступал от принципов социального анализа. В 1939 г. в одном из очерков такого рода он дал весьма пессимистическую картину настоящего и будущего, отражавшую растерянность буржуазной интеллигенции перед временными успехами фашизма. Выдвигая в качестве главной проблемы установление критерия объективности исторического исследования, Ромейн утверждал, что им злоупотребляют тоталитарные государства, к числу которых автор относил и Советский Союз. Свое определение объективности Ромейн формулировал как «общепринятость» трактовки событий на основе их комплексного исследования совместными усилиями историков. В другом, более позднем обзоре, предпосланном книге И. Прессера (о ней ниже), Ромейн периодизировал нидерландскую историографию исходя из формально технических критериев и лишь внутри этой периодизации вкрапывал отдельные социально и политически окрашенные характеристики²⁷.

Собственная концепция нидерландской революции изложена Ромейном в весьма популярной в Нидерландах книге «Нижние земли у моря». В этой противоречивой по направленности книге прослеживаются и традиции, идущие от Фройна,— представление о ведущей роли оппозиционного дворянства до восстания 1566 г., за что Ромейна критиковал П. ван Херверден²⁸,— и абстрактное социологизирование. В то же время Ромейн делает ряд выводов, близких к марксистскому пониманию проблемы. Такова оценка восстания 1566 г. как первого акта освободительной войны и буржуазной революции, признание капитализма и кальвинизма ведущими факторами событий революционного периода, подчеркивание роли народных масс в решающие моменты (восстания 1566 и 1572 гг.), реалистическая оценка политического устройства республики²⁹.

С Ромейном был тесно связан И. Прессер. Человек, переживший много драматических эпизодов в период гитлеровской оккупации и тяготеющий в известной мере к прогрессивным кругам интеллигенции, преемник Ромейна на посту профессора Амстердамского университета, Прессер, однако, историк гораздо меньшего масштаба. Его работы ближе к буржуазно-либеральной историографии «восьмидесятилетней войны». На передний план у него выдвинуты политическая история, дворянство, буржуазия, бюргерство, правящие слои. Выступлением народных масс уделено мало внимания, более того, заметна тенденция к принижению роли революционных сил, в частности кальвинистов. Тема антииспанской войны преобладает над проблемами революции³⁰.

Особое место среди современных нидерландских историков занимает Э. Куттнер, работу которого Ромейн оценивал весьма высоко. Выходец из буржуазной еврейской семьи, Куттнер вступил в социал-демократическую партию Германии, где вскоре стал одним из лидеров крайне правой фракции. В 1918—1919 гг. он активно сотрудничал с Носке, Эбертом и Шейдеманом, участвовал в подавлении восстания спартаковцев; позднее редактировал ряд периодических изданий правой социал-демократии антифашистского направления. После прихода фашистов к вла-

²⁶ J. Romein. *Theoretische geschiedenis*. Groningen. 1946; K. Kuipers, H. Baudet, J. A. A. van Doorn. *Sociologie en Geschiedenis*. Assen. 1961, blz. 41.

²⁷ J. M. Romein. *Het vergruisde beeld over het onderzoek naar de oorzaken van onze opstand*, blz. 3—4, 18—19, eju s d. *Spiegel historicael van de Tachtigjarige oorlog*; об исторических закономерностях см.: eju s d. *De graal der geschiedenis. De stand van het vraagstuk der historische wetten*. «Tijdschrift voor Geschiedenis», 1947, d. 60.

²⁸ P. J. van Herwerden. *Bij den oorsprong van onze onafhankelijkheid*. Groningen-Batavia. 1947, blz. 45.

²⁹ J. M. Romein. *De Lage landen bij de zee*. Utrecht. 1949. blz. 252—254, 256, 258, 271—273.

³⁰ J. Presser. *De Tachtigjarige oorlog*, blz. 51—52, 58—59, 71—77.

сти эмигрировал в Нидерланды, поддерживал связи с разными эмигрантскими группами, некоторое время находился среди республиканцев в Испании. Впоследствии Э. Куттнер, поняв политическое банкротство правых социалистов и свое собственное, отошел от активной политической деятельности и, находясь на нелегальном положении, занялся изучением начального периода нидерландской революции. В мае 1942 г. он был схвачен гестапо и казнен в концлагере Маутхаузен. Сохранившаяся рукопись его книги «Голодный 1566 год»³¹ была доработана и издана на нидерландском языке И. Винклером. В своей работе, опираясь на отдельные теоретические положения Маркса, Куттнер подчеркивает решающее значение социально-экономического фактора, дает тщательный, хотя и не безупречный, социальный анализ предпосылок и хода восстания 1566 г., оценивая его как первый акт нидерландской революции, призывает изучать историю борьбы народных масс и с этих позиций критикует антидемократические концепции буржуазной историографии. В целом, однако, Куттнер остается на позициях каутскианского реформизма, выводя социальные противоречия преимущественно из конфликтов в сфере обмена и объявляя импульсом революций голод, что, по сути дела, означает: накорми голодного — и революции не будет. Такое изображение революционных событий дает повод для разного рода демагогических спекуляций. Отсюда и тот парадокс, что к аналогичному, по сути дела, обобщению одновременно с Куттнером, применительно к оценке восстания 1566 г., пришел коллаборационист Э. Брюннер. Куттнер допускает и модернизаторство: сравнивает Мюнстерскую коммуну с Октябрьской революцией, приписывает иконоборческому восстанию пролетарский характер и т. п.³²

И. Беркелбах ван дер Спренкел связывает свою концепцию с событиями второй мировой войны, считая, что последняя, как и каждый поворотный этап в жизни общества, требует не только переориентировки в области политики, но и переосмысления такого важнейшего периода в жизни страны, каким была «восьмидесятилетняя война». Надо отбросить как ошибочную историографическую традицию, согласно которой это событие было лишь освободительной войной, а не «восстанием недовольных, революционеров, против изжившего себя режима», — пишет Беркелбах. Отсюда вытекает и призыв автора к глубокому изучению восстаний 1566 и 1572 гг. и предложение объявить национальными памятными днями даты взятия Брилла (1 апреля 1572 г.) и низложения Филиппа II (26 июля 1581 г.). Беркелбах уделяет много внимания выступлениям народных масс и их идеологии — кальвинизму³³. Не все его программные тезисы последовательно проведены в книге, в ней немало уступок критикуемым автором традициям: воспевание веротерпимости как абсолютного блага и проявления специфически нидерландского народного духа; враждебное отношение к морским гёзам, характеризваемым в качестве «трусливых грабителей и пиратов»; уступки мифу о принце Оранском, спасителе революции, и т. п.³⁴. Но в целом значение книги Беркелбаха нельзя недооценивать.

Прямым откликом на некоторые вопросы, поставленные Беркелбахом, служит работа П. ван Хервердена, в основной своей части посвященная исследованию восстания 1566 г. и подчеркивающая социальный

³¹ E. Kuttner. Het hongerjaar 1566. Amsterdam. 1949, blz. 8—10, 13, 20 ff.

³² Ibid., blz. 32, 141, 241, 302—303, 317—319; E. Ch. G. Brunner. De economische achtergrond van het voorspel van den Tachtig-jarigen Oorlog. «Nieuw Nederland», 1942, № 1, blz. 48.

³³ J. W. Berkelbach van der Sprenkel. Oranje en de vestiging van de Nederlandse staat. Amsterdam. 1946, blz. 9—10, 63, 96, 99—104, 123, 199, 218 ff.; о нем см. D. Th. Enklaar. In memoriam J. W. Berkelbach van der Sprenkel. «Tijdschrift voor Geschiedenis», 1949, № 59; J. S. Bartstra. Ds. Jan Willem Berkelbach van der Sprenkel 1897—1944. «Haarlem Jaarboek». Haarlem. 1944—1945.

³⁴ J. W. Berkelbach van der Sprenkel. Op. cit., blz. 28, 120.

характер и значение этого события. Отметая версию Бакхёйзена, Фройна, ван Хелдера и Ромейна о преобладающей роли оппозиционного дворянства в предшествующие восстанию годы и разоблачая предательскую политику этой группировки дворянства вместе с принцем Оранским (расплатой за что было нежелание горожан и народных масс поддерживать поход принца в 1568 г.), автор убедительно доказывает массовый, общенародный характер революционного подъема 60-х годов XVI века. Ван Херверден высоко оценивает значение восстания 1572 г., объясняя его успех тем, что решающая роль в нем принадлежала «недворянским слоям населения»³⁵.

Однако не эти прогрессивные тенденции, а наступившие вскоре заморозки «холодной войны» определили последующее развитие нидерландской историографии. Поэтому наряду с прогрессом в решении частных проблем, в методике исследования и расширении источниковедческой базы мы видим и другое: усиление реакционных тенденций в области методологии и теории исторического процесса, из которого старательно выхолащивается социальное содержание: отрицание объективных закономерностей, подчеркивание психологических факторов, проповедь наиболее реакционных идеалистических концепций, абстрактного псевдогуманизма, объявляющего всякое насилие и нетерпимость, в том числе и революционные, абсолютным злом, а всякую терпимость и «широту мышления», независимо от конкретных исторических условий, — абсолютным добром. Именно это позволяет, в частности, изображать принца Оранского образцом человека и государственного деятеля всех времен и народов, а действия революционных народных масс XVI в. идентифицировать с фашистскими эксцессами. С таких позиций ведется наступление против тех концепций либеральной буржуазной историографии XIX в. (особенно Фройна), которые исходили из наличия объективных закономерностей, поступательного развития исторического процесса. Все сильнее ныне звучат призывы вернуться назад, к взглядам фидейста Хруна ван Принстерера³⁶. Эти тенденции в той или иной мере нашли отражение в обобщающем труде «Всеобщая история Нидерландов», созданном большим коллективом нидерландских и бельгийских историков, одной из задач которого было подведение исторической основы под систему Бенилюкса³⁷. Много места (тт. 4—6) уделено в этой работе истории нидерландской революции. Ряд глав содержит свежий, по-новому интерпретированный материал (в частности, главы по экономической истории). Но отсутствие единой концепции революции снижает значимость их в целом.

В советской историографии история нидерландской революции разработана слабо. Можно указать лишь на научно-популярные книги небольшого объема М. Н. Пакуля и А. Н. Чистозвонова, а также некоторые статьи последнего по отдельным вопросам. Немногочисленны и работы историков социалистических стран³⁸. Между тем научная важность

³⁵ P. J. van Herwerden. Bij den oorsprong van onze onafhankelijkheid, blz. 8, 10, 41, 43, 45—46, 59—64, 93.

³⁶ См., например, Z. W. Sneller. Op. cit., blz. 23, 106, 110; A. A. van Schelven. Wegkruizingen in het landschap der theorie van den geschiedchrijving, blz. 14, 34—35; P. Geyl. Fruin contra Groen. Reakties. Utrecht. 1952; E. E. C. Vermeulen. Fruin over de wetenschap der Geschiedenis. Arnhem. 1956; e. j. u. s. d. Smit over Fruin, kanttekeningen bij J. W. Smit, Fruin en de partijen tijdens de Republiek. Utrecht, Nijmegen. 1959; J. W. Smit. Fruin en de partijen tijdens de Republiek, blz. IX—XV, 162—166, 206—208.

³⁷ «Algemene geschiedenis der Nederlanden». D. 1—12. Utrecht. 1953—1958; P. Geyl. Discussion ohne Ende. S. 178, Note 6.

³⁸ М. Н. Пакуль. Нидерландская революция XVI в. М. 1931; А. Н. Чистозвонов. Нидерландская буржуазная революция XVI века. М. 1958; его же. Крестьянские движения в период нидерландской революции. Сборник «Средние века». Вып. IV. 1953;

истории нидерландской революции как таковой и как составной части общей проблемы ранних буржуазных революций весьма значительна, и она нуждается в глубоком и всестороннем марксистском исследовании. Даже простое аннотированное перечисление проблем и вопросов истории нидерландской революции, которые подлежат исследованию с марксистских позиций, потребовало бы написания отдельной и гораздо большей по объему статьи. Здесь же придется ограничиться кратким рассмотрением отдельных из них, и автор понимает, что этот отбор может быть расценен как слишком фрагментарный и произвольный.

При изучении нидерландской буржуазной революции первостепенное значение для историка-марксиста имеют вопросы, связанные с выяснением ее социально-экономических предпосылок. Состояние зарубежных исследований по этим вопросам в какой-то степени отражено в работах и рецензиях автора настоящего очерка. Советскими исследователями написан за последние годы ряд работ по экономической истории Нидерландов XVI в., выясняющих предпосылки революции. Зато экономические процессы революционного периода и времен республики (конец XVI—XVII вв.) почти совсем не изучены. Небольшая территория Нидерландов была подлинным питомником самых многочисленных разновидностей и градаций экономических форм. Важно выяснить в этой связи соотношение цехового ремесла и капиталистической мануфактуры, социальную структуру и место переходных и промежуточных форм, которые господствуют в переходные периоды, характер процессов, происшедших в сфере обращения. Исследование изменений форм аграрных отношений, аграрного законодательства, характера наемного труда и процесса формирования буржуазной земельной собственности в революционный и послереволюционный периоды позволит создать точное представление о последствиях революции в аграрной сфере. Комплексное исследование экономической истории в широких хронологических и географических масштабах поможет создать цельную картину социальной структуры общества, расстановки классовых сил на разных этапах революции и освободительной войны, выяснить причины ограниченности экономических реформ революционного и послереволюционного периодов, характер социально-политической борьбы в республике, причину ее экономического упадка и политического захирения с конца XVII века.

Можно утверждать, что вплоть до середины 40-х годов нашего столетия в буржуазной историографии всех направлений и школ господствовала (что отражалось и на работах марксистских историков) антиисторическая схема, согласно которой нидерландская революция была главным образом освободительной войной и лишь затем «политической революцией», вершителями которой выступали оппозиционное дворянство и зажиточные слои городского населения. Умышленное замалчивание или извращение (как опубликованных, так и хранящихся в архивах) многочисленных материалов, свидетельствующих о значительной, а в переломные годы (1566, 1572, 70-е и 80-е годы XVI в.) и решающей роли народных масс, стало излюбленным приемом буржуазных историков, а выпады по адресу гёзов превратились в своего рода неперменный аксес-

---

его же. Английская политика по отношению к революционным Нидерландам. «Средние века». Вып. 5. 1954; его же. Рецензия на книгу Б. Х. Сливхера ван Бата «Аграрная история Западной Европы (1500—1850 гг.)». «Вопросы истории», 1961, № 12; его же. Состояние и организация исследований по социально-экономической истории в современных Нидерландах. «Вопросы истории», 1963, № 12; его же. Социальная структура сукноделия в Голландии в XIV—XVI вв. Сборник «Генезис капитализма в промышленности». М. 1963; его же. Реформационное движение и классовая борьба в Нидерландах в первой половине XVI века. М. 1964, стр. 39—134; М. М. Громыко. Промышленность северных городов Нидерландов XVI в. «Средние века». Вып. 10. 1957; J. Polišenský. Nizozemská politika a Bilá Hora. Praha. 1958; T. Wittman. Quelques problèmes relatifs à la dictature révolutionnaire des grandes villes de Flandre 1577—1579. «Studia Historica Academiae Scientiarum Hungarica», t. 40, 1960.

суар. Стоило Хейлу уподобить их фашистам, как эта версия стала кочевать по страницам других работ³⁹. Традиции этой отдают порою дань даже историки прогрессивного направления. Прекрасная публикация бельгийского ученого Э. де Куссемакера, содержащая ценные и объективные документы о деятельности лесных гёзов в Приморской Фландрии, была издана свыше 90 лет назад⁴⁰, но она редко используется современными авторами, а выпады против лесных гёзов наблюдаются по сей день. В современной бельгийской историографии политический и общеевропейский аспекты нидерландской революции выдвигаются на первый план взамен социального, так же как причинами неудач революционного периода объявляется местный сепаратизм⁴¹.

Совершенно не изучены значение и степень влияния на политическую жизнь северных провинций и ранней республики стрелковых гильдий, которые в период 1572—1581 гг. были значительно демократизированы, пользовались правом обсуждать и давать свои заключения по важнейшим военно-политическим вопросам, с мнениями которых считались не только магистраты городов, но и штаты провинций. Вовлеченные в научный оборот материалы источников об этом крайне скудны.

В пристрастном, априорно-недоброжелательном свете в работах буржуазных историков изображаются классовая борьба в городах Фландрии и Брабанта, мощное крестьянское движение, развернувшееся во Фландрии, Фрисландии, Дренте, Оверейссее и Хронингене в 70-х—80-х годах XVI века. Крестьянские восстания оцениваются как «бессмысленные бунты». Городские демократические движения (в частности, в Генте) изображаются как акты «средневекового сепаратизма», вожди их характеризуются как «невежественные демагоги». Утверждается, что народные восстания были главной причиной раскола в лагере революции и освободительной войны и помогли испанцам успешно завершить их военные операции, одновременно помешав принцу Оранскому осуществить его замыслы по «спасению» дела восстания на юге⁴². Кровавые же расправы войск Генеральных штатов с народными движениями изображаются как акты «восстановления порядка и законности». К. Маркс оценивал эту ситуацию совсем иначе. Анализируя сомнительные внешнеполитические комбинации принца Оранского, в частности его соглашение с таким неразборчивым авантюристом, как герцог Анжуйский, а также дифирамбы, расточавшиеся в этой связи буржуазными историками «политической мудрости» принца, он писал в хронологических заметках: «Хороша государственная мудрость! Он же должен был знать, кто такой этот Анжу! Эта его мудрость снова бросила Восточную и Западную Фландрию в пасть католикам и аристократам-вельможам. Их можно было сдерживать только «демагогией» (!) их городов!»⁴³. Хотя это замечание было брошено вскользь, оно и по сей день остается справедливым. Народные движения были тем барьером на пути феодально-католической реакции в южных провинциях, сокрушение которого оранжистами неизмеримо облегчило победу испанцев.

Было бы ошибочным, однако, считать, что приведенное положение Маркса содержит решение всех вопросов, относящихся к проблеме народных движений. Действительность гораздо запутаннее. Сложное пе-

³⁹ См., например, J. S. Bartstra. *Oranje als rebellenleider in Holland en Zeeland. «Wilhelmus van Nassouwe»*, blz. 133; G. J. Renier. *The Dutch Nation*. L. 1944, p. 32.

⁴⁰ E. de Coussemaker. *Troubles religieux du XVI-e siècle dans la Flandre maritime 1560—1570*. Brugges. 1876.

⁴¹ L. van der Essen. *Een punt van methode betreffende de studie van de opstand der Nederlanden in de XVI eeuw*. Antwerpen. 1948, blz. 5—8, ff; G. Malengreau. *L'esprit particulariste et la révolution des Pays-Bas au XVI-e siècle (1578—1584)*. Louvain. 1936, pp. 13—14, 42, etc.

⁴² Схема эта настолько распространена, что трудно найти работу, где бы она не присутствовала в том или ином варианте.

⁴³ «Архив Маркса и Энгельса». Т. VIII, стр. 8.

реплетение социально-экономических, политических и религиозно-идеологических противоречий ставило нередко трудящиеся массы по разные стороны баррикад. Далеко не все выступления политически неуклюжих низов шли в нужном направлении; были случаи, когда они давали увлечь себя демагогам на путь защиты реакционных идеалов. Выступления совершались массами, задавленными нищетой и невежеством: революция имела дело с наличным человеческим материалом со всеми его недостатками. Она не могла происходить без накала страстей, нетерпимости, фанатизма, революционного террора, отдельных актов неоправданных, но неизбежных жестокостей. Порою сказывается и другая тенденция. Некоторые нидерландские публицисты, стоящие на прогрессивных позициях, призывают, однако, поменьше критиковать реакционную роль католицизма и католической церкви в событиях нидерландской революции и, наоборот, побольше порицать кальвинистов за их узость, «нетерпимость», акты жестокости, единичные на фоне массовых репрессий, осуществлявшихся католиками. Однако очевидно, что подобные конъюнктурные соображения не могут лежать в основе марксистского исторического исследования и являются попыткой давления на научные выводы. С проблемой роли народных масс в нидерландской революции тесно связана и проблема роли в ней кальвинизма. Это один из тех «проклятых» вопросов, который дебатировался с неослабевающей силой, несмотря на все заклинания и требования снять его с рассмотрения как «окончательно решенный в отрицательном смысле». И заключением по нему следует признать не этот призыв А. ван Схелфена, а вывод З. В. Снеллера, который писал: «Нидерландская война за независимость, что бы о том ни говорили, была в то же время и религиозной войной»⁴⁴.

Круг вопросов, относящихся к этой проблеме, очень широк, и здесь можно коснуться лишь некоторых из них. Прежде всего достигнутый уровень исследований требует, чтобы кальвинизм изучался не как нечто раз данное и однозначное, а в его многоплановом историческом развитии и региональном многообразии. Лишь такой подход обеспечит научно обоснованные выводы и оценки. Для Нидерландов, в частности, очень важно учитывать постепенную эволюцию кальвинизма от идеологического знамени ранней буржуазной революции, идеологии революционных элементов — через государственную религию и радикальную политическую оппозицию в рамках республики — к верноподданническому монархизму XIX века. Предстоит еще тщательно исследовать различные течения и направления кальвинизма внутри общей нидерландской кальвинистской церкви (ортодоксальное, либертинско-арминианское и т. д.), а также процесс складывания нидерландской кальвинистской догматики и церковной организации, ее развития из церкви эмигрантской до преимуществу к церкви национальной и государственной, обладающей собственной финансово-экономической базой.

Весьма сложен вопрос о соотношении кальвинистского и католического населения в Нидерландах в период революции и освободительной войны. Достоверных статистических данных нет, но в настоящее время в литературе преобладает мнение, что кальвинисты составляли всего около 10% населения, в основном из числа горожан. В связи с этим существует ряд нерешенных проблем и рабочих гипотез, подлежащих проверке. Например, еще Фройн выдвинул гипотезу, что олигархический характер политического строя республики был обусловлен самим процентным соотношением католиков и протестантов — демократизация грозила победой католического большинства, что предreshило бы поражение революции и освободительной войны на севере. Против тезиса, что кальвинизм как религия абсолютного меньшинства не может считаться идеологическим знаменем революции, приводятся заслуживающие внимания

⁴⁴ Z. W. S n e l l e r. Op. cit., blz. 92.

аргументы: существование численно большой группы «национал-католиков», которые по социальным и политическим причинам поддерживали программу кальвинистов и мирились с запретом католического культа, довольствуясь свободой совести; законны сомнения в достоверности статистических данных и современности подхода к рассмотрению этого вопроса с точки зрения современных понятий о религиозной принадлежности населения, поскольку правовой статус в республике сложился так, что допускал его трактовку в духе решений Аугсбургского мира 1555 г., оставлявшего вопрос о религии подданных на усмотрение властей⁴⁵; наконец, революции имеют свою алгебру, согласно которой организованное меньшинство ведет за собой неорганизованное большинство.

Очень острая борьба мнений развернулась вокруг того, как оценивать политику веротерпимости и религиозную исключительность ортодоксального кальвинизма. Большинство буржуазных историков, как мы уже отмечали, утверждает, что всякая нетерпимость и насилие — всегда зло, противоречащее гуманным принципам, которым соответствуют лишь терпимость, уважение чужих взглядов и т. п. Исследователи, мыслящие более реальными и историческими категориями, хотя и считают религиозные ограничения злом, но справедливо подчеркивают, что в тех условиях это было неизбежным злом, поскольку религия и политика были двумя сторонами одной медали. Вопрос может быть правильно решен лишь на почве историзма, с учетом всех моментов, определявших ход революции и освободительной войны⁴⁶. Нельзя также «консервативную» догматику кальвинизма противопоставлять его революционной практике (как это делал А. ван Схелфен), ибо они вместе составляют единое целое. Гуманистические идеалы получили реальное право на существование в северных провинциях лишь на основе побед, одержанных народными массами под знаменем нетерпимости. И эта нетерпимость исходила не только от ортодоксальных кальвинистов, но и от либертински мыслящих регентов, а после измены графа Берга и сам принц Оранский стал относиться отрицательно к политике «религиозного мира»⁴⁷.

В углубленном марксистском исследовании нуждается история международных отношений, складывавшаяся система европейских государств, серия торговых войн, растянувшаяся на столетия, тем более что в истории нидерландской революции внешний фактор на всем ее протяжении играл очень большую роль. Особую проблему составляет история государственного права и государственных учреждений периода революции и республики, складывание буржуазной государственности. Одной из специфических сторон нидерландской революции было сохранение в почти неизменном виде системы государственных учреждений и государственно-правовых норм, постулирование тезиса о борьбе лишь за восстановление исконных для страны порядков. Новое выступало под покровом внешне традиционных форм. Правильное понимание хода событий невозможно без изучения деятельности Генеральных и местных штатов, их организационной структуры, законодательства, таких важнейших документов, как Гентская пасификация, Утрехтская уния и др.

С марксистских позиций следует оценить роль принца Оранского и

⁴⁵ R. Fruin. Tien jaren uit den Tachtigjarigen oorlog, blz. 45—46, 275; P. J. van Herwerden. Op. cit., blz. 93—96; E. Kuttner. Op. cit., blz. 218; J. C. H. De Pater. Het Godsdienstig element in den opstand tegen de Spanje, blz. 168—169; A. A. van Schelven. Uit den strijd der geesten, blz. 45.

⁴⁶ См., например, R. Fruin. Tien jaren uit den Tachtigjarigen oorlog, blz. 275, 278—280; J. C. H. De Pater. Het Godsdienstig element in den opstand tegen de Spanje, blz. 162—167; A. A. van Schelven. Uit den strijd der geesten, blz. 61; E. Hussinger. Wirtschaftliche Motive und Argumente für religiöse Duldsamkeit im 16. und 17. Jahrhundert. «Archiv für Reformationsgeschichte», 1958, vol. 49, Hf. 1/2.

⁴⁷ J. C. H. De Pater. De scheiding in de 16-e eeuw historisch belicht, blz. 18; L. Knappert. Prins Willem en de godsdienstvrijheid. «Wilhelmus van Nassouwe», blz. 187; A. A. van Schelven. Uit den strijd der geesten, blz. 69.

других руководителей революционного периода, в частности, выяснить, почему радикальная буржуазия и народные массы, несмотря на большую остроту социально-политической борьбы, не смогли выдвинуть из своих рядов авторитетных руководителей общенационального масштаба. Один из важнейших вопросов — характер, социальное содержание нидерландской революции. Как уже отмечалось, в нидерландской историографии лишь в послевоенный период были высказаны мнения о том, что «восьмидесятилетняя война» является революцией, притом революцией не просто политической, освободительной, но и революцией социальной, буржуазной, и началом ее следует считать восстание 1566 года. Однако эта точка зрения отнюдь еще не стала господствующей. В частности, есть тенденция весь начальный этап восстания, вплоть до 1585 г., считать некоей прелюдией, где еще действовали различные тенденции и не определился буржуазный характер движения.

В 50—60-е годы привлекали все большее внимание причины победы революции лишь на севере страны, причем версия о решающем значении военно-стратегического фактора получала все большее распространение. В этом сказалось послевоенное политическое развитие и создание Бенилюкса, требовавшие подчеркивания «случайности» обстоятельств, приведших к государственному обособлению Бельгии и Нидерландов. Особые географические условия, «непреодолимые» трудности форсирования рек Мааса, Шельды, Эйссела, болот Фрисландии — так излагается главная причина, сорвавшая наступление Александра Фарнезе и последующие военные операции против республики⁴⁸. Но почему в X в. для норманнов эти же реки были именно путями проникновения в глубь Нидерландов? Почему они не помешали в XVI в. войскам Хелдера доходить до Гааги, французскому завоеванию XVII века? Шаткость данной концепции ясна, но зато она позволяет утверждать, что лишь «случайности» войны, а вовсе не социально-экономические и политические факторы — причина раздела страны. Здесь мы подходим и к другому моменту, методологическому. Отвергая наличие объективных закономерностей развития исторического процесса, нидерландские буржуазные историки все чаще апеллируют к случайностям для объяснения даже наиболее важных событий нидерландской революции: случаен был раскол страны, случаен захват Брила и Флиссингена морскими гёзами, ознаменовавший начало восстания 1572 г., случайно платформа Гентского умиротворения не стала основой независимой республики всех Нидерландов, хотя и могла бы быть ею; случайно, из-за авантюристического путча герцога Анжуйского в январе 1583 г., упал авторитет принца Оранского, но не убей его Балтазар Жерар, он смог бы еще добиться поставленных целей, и т. п. Но что же в таком случае остается от истории, превращающейся в хаотическую мешанину «если бы» и мозаику «случайностей»? Об этой тенденции писал с едким сарказмом еще Э. Куттнер, резюмируя: «Тогда вся мировая история основана на случае, а историк может отправляться спать»⁴⁹. Такие и подобные им версии препятствуют созданию подлинно научной концепции истории нидерландской революции. Правильное решение поставленных вопросов может быть найдено лишь в том случае, если они будут рассматриваться в органической связи с проблемами общеевропейского процесса разложения феодализма, генезиса капитализма и ранних буржуазных революций, расчищавших путь господству буржуазного способа производства.

⁴⁸ P. Geyl. Einheit und Entzweigung in den Niederlanden, S. 52—53; eju s.d. Diskussion ohne Ende, S. 164—166, 170.

⁴⁹ E. Kuttner. Op. cit., blz. 237.